

Сяо Шанли улыбнулся:

— Я не хочу твоей жизни, просто выпей со мной несколько чашек. В вине есть яд, ты боишься?

Лэ Юй посмотрел на него и ответил:

— Я боюсь только того, что, когда ты захочешь моей смерти, она не наступит достаточно быстро.

Чтобы порадовать красавца, он сам взял чашку и, когда Сяо Шанли налил вино, выпил его залпом.

—

В одном из тех маленьких кувшинов с вином был подмешан яд, который Сяо Шанли велел внуку Хуну принести из внутренних запасов — «Тоска». Этот яд имел лёгкий аромат, и его необходимо было смешивать с вином для употребления. Каждый месяц, в день приёма, если не выпить «Тоску» снова, тело охватывала слабость, а в груди возникала острая боль. Но если каждый месяц подмешивать яд в вино и заставлять человека пить, некоторые могли прожить всю жизнь, не зная, что отравлены «Тоской».

В этом и был смысл яда — если не допускать разлуки, то и не страдать от тоски. Изначально его планировали подмешать принцессе Яньцин, но в итоге он оказался в одном из вин. Сяо Шанли сорвал этикетку с кувшина, и теперь было невозможно определить, в каком именно вине был яд, да он и не хотел этого делать. Лэ Юй выпил первую чашку и уже собирался пить вторую, но Сяо Шанли остановил его, прикрыв чашку рукой, и, опустив глаза, сказал:

— Я наливаю тебе, а ты пьёшь, как будто это вода. А теперь скажи мне, что это за вино?

В вине чувствовались ароматы зелёного бамбука, озерного лотоса и банановых листьев. Вино не опьяняло, но томный вид Сяо Шанли под светом лампы был опьяняющим сам по себе. Лэ Юй схватил его за руку, словно слегка захмелев, и произнёс:

— Морские камни делят шашки, а кувшин из Пи становится винной чашей.

Вино действительно было из Пи, но «Тоска» была не в нём. Однако рука Сяо Шанли дрогнула, ведь последняя строка выбранного им стиха гласила: «В ночь разлуки перед светильником». Такая ночь разлуки, такой одинокий свет лампы на лодке — всё это было так уместно и так печально. Он выдернул руку и, взяв другой кувшин, налил ему полную чашку, сказав:

— Этот стих плох, я накажу тебя.

Лэ Юй выпил три чашки подряд, и только тогда выражение лица Сяо Шанли смягчилось. Он снова спросил:

— А теперь?

Лэ Юй ответил:

— Теперь это «В чаше вино из Учэна, желаю тебе долголетия».

В Учэнском вине тоже не было яда, и Сяо Шанли немного расслабился. Это были строки, желающие долголетия, но Лэ Юй усмехнулся:

— Не говори, что я выбрал плохо, выпей со мной.

Он потянул его к себе, обнял и, оставив его в одном халате, посадил себе на колени, набрав в рот вина и передав его губами.

Сяо Шанли не ожидал, что он будет кормить его таким образом. Лэ Юй снова и снова кусал его губы, вино стекало по уголкам рта, и он играл с ним, целуя от высоко поднятого подбородка до кадыка, не оставляя ни дюйма кожи без внимания. Затем он развязал пояс халата, и грудь Сяо Шанли обнажилась, два покрасневших соска полуприкрытые тканью, и Лэ Юй начал облизывать их по кругу, оставляя после себя влажный след и лёгкую боль.

Лэ Юй довёл его соски до блеска, затем опрокинул чашку и вылил на его грудь вино из кувшина. Это было вино из гранатовых цветов, сделанное из гранатового нектара, с невероятным ароматом. Именно в это вино он подмешал яд — но не ожидал, что ситуация примет такой оборот. Его спина упиралась в ладонь, и ему оставалось только запрокинуть голову и податься грудью вперёд, подставляя свои уже неприличные соски другому мужчине. Лэ Юй вдыхал аромат, его губы скользили по нежной коже, вино лилось повсюду, но он улыбался и произнёс:

— Яркий цвет граната пылает, сияние его великолепно.

Сяо Шанли вздрогнул всем телом. Первая строка этого стиха гласила: «Гранат растёт перед двором, зелёные листья колышутся». Лэ Юй выбрал правильные строки, угадал вино, но название стиха было «Песнь отвергнутой жены». Сяо Шанли впервые почувствовал жгучую жалость. Лэ Юй сравнивал его с отвергнутой женой? Он никогда не обращался с ним так, не должен был так обращаться, почему он так изменился? Но и сам он опустился до низости, сын знатного рода, полуголый, сидящий на коленях у мужчины, открывающий своё тело для удовольствия другого. Даже отвергнутая жена или проститутка не стали бы вести себя так. Эта мысль терзала его, но он смирился, ожидая, пока Лэ Юй использует его как сосуд для вина, выпив всё, что было на его теле.

Сяо Шанли закрыл глаза и замер. Лэ Юй вдруг почувствовал, что на его подбородок упало что-то горячее — это были слёзы. Он словно получил удар, в голове зазвенело, и он нахмурился, две мысли боролись в нём, и, одновременно испытывая жалость к красавцу в своих объятиях, он почувствовал, как голова раскалывается от боли.

Его ярость постепенно утихала, но Сяо Шанли этого не видел, только услышал, как он вздохнул и, обняв его тёплыми руками, поцеловал слёзы на его лице, сказав:

— Маленький лисёнок, не плачь.

Вся горечь вырвалась наружу, и Сяо Шанли оцепенел. Мать не называла его этим детским именем уже больше десяти лет, и он даже забыл спросить, откуда Лэ Юй его знал, словно это было в другой жизни. Он свернулся, как ребёнок, в его объятиях.

Сяо Шанли, переживший многое, обладал красотой и жестокостью в душе, что заставляло людей забывать, что он всего лишь худощавый юноша шестнадцати-семнадцати лет. За окном каюты начинало светать, скоро наступит рассвет. Его одежда была в беспорядке, и, так как никто не помогал ему одеться, он не мог справиться сам. Лэ Юй помог ему одеться, взял его за лодыжку и сказал:

— Ваше Высочество может терпеть унижения ради мести, но я не хочу, чтобы вы терпели их ради меня.

Его тонкая лодыжка оказалась в руке, привыкшей держать меч, и от ступни по всему телу разлилось приятное тепло. Но в сердце снова поднялась горечь и решимость. Этот человек, которого он не мог удержать, терпя унижения, теперь он удержит его силой.

Сяо Шанли, с покрасневшими глазами, умолял:

— Ты уедешь через пять дней, я не могу тебя удержать, но позволь мне проводить тебя... Хорошо?

Лэ Юй посмотрел на него, зная, что это ловушка, но всё же сказал:

— Хорошо.

Тогда он улыбнулся и сказал:

— В знак искренности, я подмешал в вино «Тоску». Твой врач Инь наверняка знает, как её нейтрализовать.

Через пятнадцать минут на горизонте появилась первая полоска света, и маленькая лодка приблизилась, увидев, что князь Цзинчэн зовёт их. В каюте стоял запах вина, и сам князь был слегка пьян, одежда его была в беспорядке. Все решили, что он просто перепил и простудился на холодном ветру. Он сел на носилки и отправился во Дворец Бессмертного Долголетия, чтобы принять ванну и переодеться.

В ванной комнате стоял густой пар, и никто во дворце не смел комментировать его действия. Четыре девушки, помогавшие ему купаться, увидев следы на его теле, сделали вид, что ничего не заметили. Когда остальные служанки ушли, он бросил взгляд на одну из них, которая часто передавала сообщения во Двор Весенних Ароматов, и сказал:

— Ты, наверное, ещё можешь видеть того «врача Инь», который жил во Дворе Весенних Ароматов. Передай ему от меня: если «господин Лин» попросит у него противоядие, дай ему, но затяни хотя бы на три дня.

Служанка удивилась, но тут же опустила голову и согласилась. Сяо Шанли почувствовал усталость, но, закрыв глаза, вдруг снова открыл их и добавил:

— «Врач Инь» больше не живёт во Дворе Весенних Ароматов, и об этом никто не должен знать.

Утром того же дня из Двора Весенних Ароматов выехала повозка. Она была простой, внутри находились две служанки, одна из которых, не одетая как замужняя женщина, но с заметным животом, словно на несколько месяцев беременности, выглядела бледной и потной, но всё ещё сохраняла приятную внешность. Это была Ланхуань, обесчещенная грабителями и забеременевшая от них.

Повозка сильно тряслась, и девушка лет пятнадцати-шестнадцати, сидевшая рядом с ней, плакала:

— Сестра Ланхуань, ты в порядке? Мы едем к врачу Инь...

Она добавила:

— Я послушалась тебя и не побеспокоила жену наследника престола...

Ланхуань стиснула зубы, чувствуя, как внизу живота разливается острая боль, словно там режут ножом. Из неё вытекала тёплая кровь, но она закрыла глаза и кивнула. После инцидента в Саду Гэнъе жена наследника престола проявляла к ней сострадание и заботу, но в последнее время её здоровье ухудшилось, и она не хотела беспокоить её в таком состоянии. Девушка снова бросилась на неё, плача, её глаза были красными, как персиковые косточки:

— Сестра Ланхуань, это я виновата, я знала, что ты беременна, но всё равно уговорила тебя пойти на восточный рынок. Тебя толкнули, и у тебя начались схватки, ты мучилась всю ночь, а врач Ли ничего не смог сделать... Врач Инь точно спасёт твоего ребёнка!

Но Ланхуань дрожала, положив руку на живот, и думала: [Я даже не знаю, хочу ли я сохранить этого ребёнка...]

У одного из особняков Гильдии морской торговли девушка в розовом платье, с грязью на туфлях, бежала, крича и плача:

— Врач Инь, я Сяо Хуань! Пожалуйста, спасите сестру Ланхуань!

Её пытались увести слуги, но она вырвалась, и ворота наконец открылись. Инь Усяо быстро вышел, поддержал её и, взглянув на повозку, тут же изменился в лице, сказав:

— Отнесите девушку из повозки, идём со мной! Нельзя терять время!